

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ В ДРЕВНЕМ КИТАЕ

В. А. Шелбогашев

Алтайский государственный университет, Барнаул

Рассматривается проявление связей философии и лингвистики в Древнем Китае через номинативный аспект – первую стадию работы мышления по формированию лингвистического знания. Представлены итоги критического анализа научной литературы, их освещение с точки зрения заявленной проблемы, результаты интроспективного анализа, элементов лексикографического анализа словарей. Выявляется динамика взаимодействия гносеологических, аксиологических и прагматических составляющих процессов номинации как языковых реализаций результирующих направлений философских рефлексий Древнего Китая.

Ключевые слова: номинация, лингвистическое знание, мировоззрение, прагматика, иероглиф, даоцзяо, фаньце.

Актуальность проблемы философских оснований лингвистического знания, развития философских взглядов на сущность языка и языкового знания от китайской античности до Т. Гоббса, Дж. Локка и А. Ф. Лосева обусловлена зависимостью между изменениями систем взглядов, объединенных в философские мировоззрения, и перестройками в понятийных, проблемных, методических аппаратах лингвистического знания как описания языка самопознания культуры. Важность исследования подтверждается и наличием обратных связей – результаты развития лингвистического знания нередко приводили к появлению новых доктрин в философии. Исследования природы отношений объекта окружающего мира и названия послужили стимулом философских разысканий в более поздние времена. Философские теории имени разрабатывались Томасом Гоббсом, Джоном Локком, А. Ф. Лосевым. У представителя номинализма Т. Гоббса провозглашается существование лишь единичных вещей; общие понятия, по Т. Гоббсу, суть отвлеченные имена вещей. Джоном Локком в его концепции образования понятий представления о вещах сохраняются в памяти, и далее мышление путем абстракции конструирует из них понятия – отвлеченные представления (не имеющие непосредственного денотата), оформленные посредством словесного знака. А. Ф. Лосевым в его направлении русско-византийской философии, известном как «имяславие», раскрывается динамика взаимоотношений онтологии и гносеологии номинации от слова – физической энергемы как наименования до наименования – имени Первосущности как слова. Согласно номиналистическому истоку своей концепции, Людвиг Витгенштейн в его хронологически более поздних работах осуществляет восхождение философской рефлексии от выделения и аналитических процедур онтологичной

структуры языка к рассмотрению оснований возникновения значения слова (словоупотребления, предложения) через многовекторные возможности различных процессных актуализаций в неоднородных социокультурных контекстах, рассматриваемые им как языковые игры, в которых рождается значение-для-передачи-и-восприятия.

Новизна предлагаемого взгляда на проблему заключается в выявлении мировоззренческого аспекта динамического взаимодействия гносеологических, аксиологических и прагматических составляющих процессов номинации как языковых реализаций результирующих направлений философских рефлексий Древнего Китая.

Методами исследования являются критический анализ научной литературы и ее интерпретация с точки зрения заявленной проблемы, интроспективный анализ, лексикографический анализ словарей.

Материалом исследования послужили тексты словарей и философских книг Древнего Китая.

Цель настоящей статьи – рассмотреть раннефилософские основания построения лингвистического знания как проявление связи философии и лингвистики в Древнем Китае.

Одним из наиболее важных аспектов изучения лингвистического знания является номинативный аспект, так как он является первым этапом работы мышления по формированию лингвистического знания. Понимая номинацию как «образование языковых единиц... служащих для называния и вычленения фрагментов действительности и формирования соответствующих понятий о них в форме слов, сочетаний слов, фразеологизмов и предложений» [1, с. 336], отметим, что вычленение элементов действительности является первым этапом работы мышления по формированию лингвистического знания, далее процессы сублимации понятий становятся сложными (многовекторными) и неод-

нозначными (нелинейными), культурообусловленными и культуросозидающими.

Говоря о культуре, здесь и далее мы понимаем ее в соответствии с определением В. З. Демьянкова как набор национально обусловленных стандартов и закономерностей поведения, проводя при этом четкую грань между культурой и цивилизацией, характеризуемой им как матрицей наднациональных стандартов и закономерностей поведения человека [2, с. 5–6].

В. М. Алпатов отмечает, что в силу фактологичности лексико-семантической системы особенность имен является основным каркасом системы отношений данной культуры, отражающим ее традиции (имена родства, власти, экономических иерархий, права и т. п.), в своем историческом развитии была исследована такими учеными, как М. М. Покровский, Э. Бенвенист, Т. В. Гамкрелидзе и др. [3, с. 175]. Направления и силу гносеологического, аксиологического и прагматического (критичность и проверяемость) векторов процесса номинации определяет мировоззренческий фактор, т. е. сумма философских взглядов на мироустройство, нередко (Китай – даосизм, конфуцианство, Индия – буддизм, брахманизм) неразрывно спаянная с религиозными основами отношений человека и Космоса. Функции критичности и проверяемости полученного артефакта лингвистического знания – имени – выполняет прагматический фактор.

Язык находился в фокусе философской рефлексии еще в античные времена: в Древнем Китае центральной областью проблемного поля синкретичных философско-лингвистических исканий является иероглиф (др.-греч. ἱερογλύφος, кит. 象形文字 сяньсин взньцзы – пиктограмма или более общее название – 字 (цзы), – т. е. графема, имеющая вид рисунка какого-либо объекта – человека, животного, предмета [4, с. 171]. В рамках настоящей статьи иероглиф понимается как воспринимаемая нами форма (слово, формула, рисунок, предмет, звук и т. д.), обеспечивающая хранение и передачу информации [5, с. 353].

Известен философский спор V–III вв. до н. э. о соотношении «имени» и обозначаемой действительности. Так, Конфуций (кит. 孔子, Кун-цзы, иногда (реже) кит. 孔夫子, Кун Фу-цзы) подчеркивает неразрывную, т. е. природную, связь названий с вещами и на основании данной предпосылки выводит необходимость «исправления имен» (кит. 正名, чжэнмин) [6, с. 502]. Доктрина «исправление имен» является одной из центральных конструкций конфуцианской философии; здесь совместная работа гносеологических и аксиологических принципов приводит к удачному теоретическому результату, повлекшему за собой многочисленные практические применения. Исправление «имен»

(кит. мин), согласно Конфуцию, необходимо в качестве первого шага для улучшения управления государством. Его воззрения воспринимаются и развиваются в «школе легистов», философской доктрине периода Чжаньго (Сражающихся царств), сформировавшейся в IV–III вв. до н. э., также упоминаемой как «Школа законников» (кит. 法家, фацзя) и известной своими рекомендациями правителям соблюдать жесткие методы управления, основанные на строгой подчиненности законам, включающей смертную казнь за любые проступки и преступления [7, с. 55]. Противники Конфуция в данном вопросе, философы даосского (кит. 道教, даоцзяо) – традиционного китайского учения о дао как о «пути вещей» – направления, соединяющего онтологические сегменты религии и философии, утверждают произвольность связей между именем объекта – словом и вещью [8, с. 102].

Синтезировал оба подхода Сюнь Куан (кит. 荀况), он же Сюнь Цин (кит. 荀卿), китайский философ конфуцианской традиции, именуемый также Сюнь-цзы (кит. 荀子; около 313–238 гг. до н. э., живший в царстве Чжао). Сюнь Куан, являвшийся неортодоксальным конфуцианцем, осуществил универсальную интерпретацию конфуцианского канона в духе религиозного скептицизма [9, с. 69]. Вероятно, вариант понимания конфуцианства Сюнь Куана, в результате сравнения с жесткими методами государственного управления легистов, Среднее царство и восприняло в качестве идеологии управления и онтологии повседневной жизни. Многие последующие китайские философы считали, что именно Сюнь Куан интегрировал основные идеи древнекитайской философской рефлексии того времени [9, с. 79]. К примеру, Фэн Юлань (кит. 馮友蘭, 1895–1990) считает, что влияние Сюнь-цзы на философию и культуру Поднебесной подобно влиянию Аристотеля на античную цивилизацию. Понимание иероглифа как морфемы или простого слова, нередко односложного, легло в основу китайской языковедческой традиции [10, с. 225]. Согласно сложившейся лексикографической традиции, далее составляются словари иероглифов (кит. 汉字字典, ханьцзы цзыдянь), исследуется их начертательная структура и звучание, толкуется смысл; таким образом закладывается и в течение тысячелетий активно развивается лексикография. Наиболее известными первыми словарями иероглифов являются: «Эр я» (кит. 尔雅, перевод: «Приближение к классике»), который был создан в III в. до н. э. и далее неоднократно дополнялся; он являлся первым толковым словарем, в котором материал разбит по девятнадцати смысловым группам, от толкования значения иероглифов, встречающихся в древних текстах в первой группе, до разъяснения (названий) домашних животных в по-

следней. Авторство словаря достоверно не установлено: либо это труд нескольких ученых Древнего Китая, либо автором является Конфуций (по другой версии – Чжоу Гун) [11, с. 56]. Словарь содержит разрозненные сведения по орфографии, грамматике, энциклопедические данные. Словарь диалектов Ханьской империи «Фань янь» (кит. 方言, «Диалекты»), автором которого является Ян Сюн (кит. 扬雄, 53 г. до н. э. – 18 г. н. э.), является серьезным источником для изучения диалектологии древнекитайского языка.

Первым достаточно полным словарем, охватывающим все известные составители иероглифы, является «Шо вэнь цзе цзы» (кит. 说文解字, переводится как «Происхождение китайских символов/иероглифов»). Его автор-составитель Сюй Шэнь (кит. 许慎, ок. 58 г. н. э. – ок. 147 г. н. э.) – китайский филолог и лингвист эпохи династии Хань. «Шо вэнь цзе цзы» – первый китайский словарь иероглифов, основой структуры которого является подразделение словарного материала по иероглифическим «ключам»; также приводится анализ строения иероглифического знака. Он содержит около 10 000 иероглифов, распределенных по 540 ключам [12, с. 11].

Все иероглифы этого словаря разделены на шесть категорий (кит. 六書, лю шу), сохранивших свое значение и в наше время. По мнению А. Г. Сторожук, которое мы разделяем, действительно типологически различны первые четыре категории из приводимых в настоящей статье, две другие отражают особенности использования классифицируемых иероглифов [13, с. 17]. В настоящее время эти категории позволяют оценить структурное строение китайской иероглифики не только с точки зрения исторической перспективы. Первую категорию составляют пиктограммы (кит. 象形字, сяньсин цзы, простейшие иероглифы-рисунки, иероглифы-схемы, обозначающие объект действительности или его характерный атрибут). К примеру, иероглиф «дерево» (кит. 木, му) – это схема дерева, а иероглиф «ворота» (кит. 門, мэнь) является схемой-изображением дверных створок [14, с. 361]. Отметим, что с течением времени степень стилизации пиктограмм становится весьма высокой. В словаре «Шо вэнь цзе цзы» приводится около 400 простых иероглифов-пиктограмм. Вторая категория (кит. 指事字, чжишицизы) представляет собой указательные иероглифы – отвлеченные, символические изображения предметов и понятий. К примеру, иероглифы «один» (кит. 一, и) и «два» (кит. 二, эр) состоят из одной и двух горизонтальных линий, а основные идеи иероглифов («верх, наверху» (кит. 上, шан) и «низ, внизу» (кит. 下, ся) выражены вертикальными линиями, расположенными выше и ниже горизонтальной черты – образа некоторого

среднего уровня поверхности. Третья категория, (кит. 會意字, хуйицизы) – составные иероглифы-идеограммы; их значение образовано «сложением» смыслов двух и/или более составных частей. К примеру, иероглиф «много» (кит. 多, дуо) составлен из двух иероглифов «вечер» (кит. 夕, си), т. е. вечер за вечером, *много* вечеров; иероглиф «охранять» (кит. 保, бао) представляет собой «сумму» значений ключей – иероглифов «человек» (кит. 人, жэнь), «рот» (кит. 口, коу) – и «дерево» (кит. 木, му) [15, с. 374]. Слова «сумма» и «сложение» взяты в кавычки не случайно. Правильная интерпретация значения иероглифа по значениям составляющих его частей в большинстве случаев невозможна без хорошего знания особенностей истории, культуры, религии, бытохозяйственной жизни Древнего Китая; иногда правильно интерпретировать смысл идеограммы по составляющим ее частям затруднительно. Четвертая категория (кит. 形聲字, синшэнцизы) – это фоноидеограммы, т. е. составленные из «ключа» и «фонетика» иероглифы. В фоноидеограммах приблизительное значение передается элементом – классификатором класса предметов, или «ключом», а звучание знака задает другой элемент – так называемый «фонетик». Отметим, что большинство китайских иероглифов представляет собой именно фоноидеограммы. В «Шо вэнь цзе цзы» количество знаков этого типа около восьми тысяч. Необходимо учитывать, что звуковой рисунок и «фонетика» не всегда и не полностью совпадают со звучанием фоноидеограммы; при разделении иероглифа на «инициаль» (начало знака) и «финаль» (окончание иероглифа) намек на произношение дает только «финаль». К примеру, в иероглифах 飽 «бао» в первом тоне – «выдающийся вперед зуб», 抱 «бао» третий тон – «сытый» и 抱 «бао» в четвертом тоне – «носить на руках, держать» ключами являются соответственно 齿 «зуб», 食 «еда, пища», 手 «рука»; фонетиком же во всех приведенных примерах является кит. 包 «бао» (в первом тоне); значения этого фонетика – «обертывать, завертывать, сверток, узел, пакет» [16, с. 21–26]. Необходимо также учитывать и то, что в процессе естественного развития языка произносительные нормы слов достаточно сильно изменились, так что к настоящему времени звучание большинства фоноидеограмм-иероглифов уже не связано с произношением «фонетика». Пятую категорию составляют заимствованные иероглифы (кит. 假借字, цзяцзецизы), первоначальные употребительные значения их в дальнейшем совершенно изменились. По нашему мнению, хотя их новый смысл не равен предшествующему смыслу знаков, он может быть каким-либо образом ассоциирован с ним. Шестую категорию (кит. 轉注字, чжуаньчжуцизы) составляют фонетические заимствования

или иероглифы, видоизмененные таким образом, что начертание, произношение и значение некоторого базового, исходного иероглифа получают новые особенности либо иное значение при сохранении ассоциативных ассоциаций с прежним вариантом.

Рассматривая номинацию (и дальнейшее понимание) посредством иероглифа значения предмета, процесса, явления во всех шести категориях словаря, невозможно обойтись без привлечения понятия пресуппозиции как суммы фоновых знаний [17, с. 90], имплицитного контекста [7, с. 238]; многие иероглифы становятся понятными только при условии включенности читателя в культурное поле и/или при понимании им скрытого смысла денотата знака. Сравним данное мнение с трактовкой познания вещи Конфуцием в изложении В. В. Малавина: «уже у Конфуция познание вещей знаменует нахождение образца того или иного события... Впоследствии понятие вещи в китайской мысли всегда имело отношение не к объекту или идее, а к самой со-бытийности явлений. Оно обозначало, по сути, целую ситуацию...» [18, с. 183].

На примере разбиения всего массива известных автору иероглифов на шесть директорий мы видим категоризацию мира и имплицитное определение сущности языка как объективатора хаоса поступающей извне в сознание человека информации от китайского философа и лингвиста по имени Сюй Шэнь. В наше время Е. С. Кубрякова, говоря о роли когнитивной лингвистики для функционирования комплекса когнитивных наук, отмечает, что именно язык посредством материальных знаков превращает всю поступающую к нам информацию в объекты, обозначая ее фрагменты, давая им определения и описывая их и таким образом обобщая опыт человека [19, с. 37]. Далее обобщенный опыт складывает языковую картину мира, т. е. речь идет о работе когнитивных механизмов номинации при генерации лингвистического знания.

Значение словаря «Шо вэнь цзе цзы» заключается не только в том, что он явился образцом для иероглифических словарей следующих поколений: к примеру, в IV в. были созданы словарь «Цзы линь» (кит. 字林, в переводе «Лес письмён»), около 13 000 иероглифов, в 543 г. – словарь «Юй пянь» (кит. 玉篇, в переводе «Яшмовая книга»), содержит уже около 17 000 иероглифов; таким образом, составление словарей по эталону «Шо вэнь цзе цзы» установилось как традиция [20, с. 25]. Роль данного словаря важна в материализации философской рефлексии: становление и развитие китайской иероглифической письменности в соответствии с одной из базовых философских доктрин конфуцианства – «исправления имен» воплотились в постоянно действующую политику китайских языковедов по реформированию китайской иероглифики; как от-

мечают Г. Т. Хухуни и Л. Л. Нелюбин, первые реформы иероглифического письма как попытки сознательного изменения человеком установившегося в обществе языка относятся к VIII в. до н. э. [21, с. 9].

Позднее, приблизительно с V в. н. э., китайское языкознание вырабатывает аппарат функциональной фонетики; отметим, что фонетика (кит. 语音, юйинь), формируясь в Китае в духе лексикографических традиций, испытывает на себе определенное влияние индийского буддизма; первичные фонетические исследования выполняются в виде словарей рифм. Во II–III вв. при выработке порядка правильного чтения (произношения) иероглифов и слогоморфем начинает применяться метод «разрезания» слогоморфемы на инициали и финали (рифмы). Первые попытки рассмотрения тонов, выполняющих при одинаковом написании иероглифов и сходном звучании смысловозначительную функцию, датируются V в., а классификация инициалей – начальных согласных иероглифов по артикляторному принципу происходит еще позднее [22, с. 225]. Фонетическое лингвистическое знание кристаллизуется в таблицах, содержащих данные об инициалах, финалях, промежуточных гласных, дифтонгах и тонах в первом словаре подобного типа «Юнь цзинь», датируемом предположительно X в., а грамматическое лингвистическое знание начинает оформляться как наука грамматика лишь в XVIII–XIX вв.

Таким образом, лингвистическое знание Древнего Китая не может не быть заданным, закодированным изначально концепциями религиозных и философских мировоззрений, базируясь на аксиологическом фундаменте конфуцианства и даосизма, подвергаясь влиянию проникающего из Индии буддизма и разворачиваясь на уровне предложения в соответствии с предзаданными пресуппозиционными (определяющими семантическую нормальность/анормальность) компонентами – предпосылками. Далее оно развивается в процессах реализации контекста текстоупотреблений; поликодовость лингвистического знания задает возможности разноуровневых (фонетических, морфологических, синтаксических) и многоплоскостных стелевых языковых разверток – воплощений, своего рода языковых реинкарнаций лингвистического знания. Иероглиф как собственно идеографический знак и составленное из иероглифов слово, предложение, порожденные в смысловых контекстах китайской культуры, содержат лингвистическое знание как знаковый, текстовый, языковой, категориально-семантический, праксеологический и т. д. артефакт значения-при-создании. При употреблении в условиях изменившихся контекстов как пересечений новых культурных плоскостей иероглиф (слово, предложение) встраивается во вновь возникшие знаниевые системы, семантизируя новую

реальность, предъявляя читателю/слушателю механизмы, процессы, законы нового лингвистического знания и конституируясь по этим законам в изменившихся аксиологических, символических, нормативных и иных системах культуры в виде сгустка смыслов, или значения-при-восприятии.

Скорость, качество и направления аккумуляционных процессов лингвистических знаний в китайской культуре зависят также и от «ориентации», направленности хозяйственного уклада цивилизации и производного от уклада суммарного социокультурного вектора: для преимущественно аграрного восточного общества философское мировосприятие строилось на рефлексии циклических природных процессов и предполагало включение человеческой деятельности в необоримые и всеобщие изменения стихий неба, земли, воды с целью дальнейшего использования их результатов. Здесь функциональными и семантическими оппозициями языка являются предмет (имя, наи-

менование) и изменения его характеристик, т. е. предикатив.

В качестве одной из основных задач для традиционной (классической) философии языка наряду с вопросами соотношения языка и мышления, существования языка в социокультурном контексте и другими предстает проблема онтологического статуса значений языковых конструктов (характеристик связей слов и вещей). В соответствии с этим данный этап развития классической философии языка в Древнем Китае может быть достаточно условно представлен как имеющий своим предметом языковые онтологию и семантику. Решением данной задачи для древнекитайской философии послужил синтез конфуцианского и даосского подходов Сюнь Куана.

Заслугой раннефилософской рефлексии в Древнем Китае является постановка встающих перед культурой по мере ее развития задач языковыми средствами и предложение ответов на уровне языка как адекватного орудийного средства их решения.

Список литературы

1. Телия В. Н. Номинация // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 336–337.
2. Демьянков В. З. О когниции, культуре и цивилизации в трансфере знаний // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 4 (49). С. 5–9
3. Алпатов В. М. Имя // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 175–176.
4. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 685 с.
5. Гельфман Э. Г., Холодная М. А. Психодидактика школьного учебника. Интеллектуальное воспитание учащихся. СПб.: Питер, 2006. 384 с.
6. Титаренко М. Л. Китайская философия: энциклопедический словарь. М.: Мысль, 1994. 573 с.
7. Торсуева И. Г. Контекст // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 238–239.
8. Титаренко М. Л., Кобзев А. И., Лукьянов А. Е. Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. Т. 1: Философия. М.: Вост. лит. РАН, 2006. 727 с.
9. Феоктистов В. А. Философские трактаты Сюнь-цзы. Исследования, перевод, размышления китаеведа. М.: Наталис, 2005. 432 с.
10. Яхонтов С. Е. Китайская языковедческая традиция // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 225.
11. Яхонтов С. Е. История языкознания в Китае: 1 тыс. до н. э. – 1 тыс. н. э. // История лингвистических учений: Древний мир. Л.: Наука, 1980. 314 с.
12. Шо вэнь цзе цзы. Перевод на современный китайский язык (вэньян, байхуа) / под ред. Ли Эньцзян, Цзя Юймин. Чэнчжоу: Чжунъюань нунминь чубаньшэ, 2000. 1610 с.
13. Сторожук А. Г. Введение в китайскую иероглифику: уч.-справ. изд. СПб.: КАРО, 2002. 592 с.
14. Современный китайско-русский словарь / под ред. А. Ф. Кондрашевского. М.: АСТ: Восток-Запад, 2005. 714 с.
15. Китайско-русский словарь / под ред. Ся Чжунъи. М.: Вече, 2003. 1280 с.
16. Китайско-русский словарь-минимум. Пекин: Шанву иншугуан, 1999. 960 с.
17. Гак В. Г. Высказывание // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 90.
18. Малявин В. В. Китайская цивилизация. М.: АСТ, 2001. 632 с.
19. Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка. Когнитивные исследования. М.: Знак, 2012. 208 с.
20. Сусов И. П. История языкознания. М.: Восток–Запад, 2006. 295 с.
21. Хухуни Г. Т., Нелюбин Л. Л. История науки о языке. М.: ФЛИНТА, 2016. 376 с.
22. Чжуан-цзы: даосские каноны / пер. В. В. Малявина. М.: Мысль, 2002. 432 с.

Шелбогашев Виталий Алексеевич, аспирант, Алтайский государственный университет (пр. Ленина, 61, Барнаул, Россия, 656049). E-mail: rector@asu.ru; languagetranslate@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 04.04.2017.

DOI: 10.23951/1609-624X-2017-7-103-109

PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS OF LINGUISTIC KNOWLEDGE IN ANCIENT CHINA

V. A. Shelbogashev

Altai State University, Barnaul, Russian Federation

The manifestation of the links between philosophy and linguistics in ancient China through the nominative aspect is considered - the first stage of the work of thinking on the formation of linguistic knowledge. The results of critical analysis of scientific literature, their coverage from the point of view of the stated problem, the results of introspective analysis, elements of the lexicographic analysis of dictionaries are presented. The dynamics of the interaction of epistemological, axiological and pragmatic components of nomination processes as linguistic realizations of the resulting directions of philosophical reflections of Ancient China is revealed. In this article we understand culture in accordance with the definition of V. Z. Demyankov as a set of nationally conditioned standards and patterns of behavior. In this case, a clear boundary is drawn between culture and civilization. Civilization in this article is characterized as a matrix of supranational standards and patterns of human behavior. According to the opinion of the prominent orientalist V. M. Alpatov, due to the factual nature of the lexical-semantic system, the names of objects, phenomena, processes, relations, etc. are the supporting framework of the system of relations of each national culture and reflect its related, imperious, structural and economic, etc. traditions. In this case, the direction and strength of the epistemological, axiological and pragmatic vectors of the nomination process determines the worldview factor, i.e. the sum of philosophical views on the world order. The pragmatic factor serves to fulfill the functions of criticality and veracity of the resulting artifact of linguistic knowledge - the name.

Key words: nomination, linguistic knowledge, worldview, pragmatics, hieroglyph, daojiao, fanze.

References

1. Teliya V. N. Nominatsiya [Nomination]. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'*. Pod red. V. N. Yartsevov [Linguistic encyclopedic dictionary. Edited by V. N. Yartseva]. Moscow, Sov. entsyklopediya Publ., 1990. Pp. 336–337 (in Russian).
2. Dem'yankov V. Z. O kognitsii, kul'ture i tsivilizatsii v transfere znaniy [About cognition, culture and civilization in the transfer of knowledge]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Questions of cognitive linguistics*, 2016, no. 4, pp. 5–9 (in Russian).
3. Alpatov V. M. Imya [Name]. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'*. Pod red. V. N. Yartsevov [Linguistic encyclopedic dictionary. Edited by V. N. Yartseva]. Moscow, Sov. entsyklopediya Publ., 1990. Pp. 175–176 (in Russian).
4. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'*. Pod red. V. N. Yartsevov [Linguistic encyclopedic dictionary. Edited by V. N. Yartseva]. Moscow, Sov. entsyklopediya Publ., 1990. 685 p. (in Russian).
5. Gel'fman E. G., Kholodnaya M. A. *Psikhodidaktika shkol'nogo uchebnika. Intellektual'noye vospitaniye uchashchihsya* [Psychodidactics of the school textbook. Intellectual education of students]. Saint Petersburg, Piter Publ., 2006. 384 p. (in Russian).
6. Titarenko M. L. *Kitayskaya filosofiya: entsiklopedicheskiy slovar'* [Chinese Philosophy: encyclopedic dictionary]. Moscow, Mis' Publ., 1994. 573 p. (in Russian).
7. Torsueva I. G. Kontekst [Context]. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'*. Pod red. V. N. Yartsevov [Linguistic encyclopedic dictionary. Edited by V. N. Yartseva]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1990. Pp. 238–239 (in Russian).
8. Titarenko M. L., Kobzev A. I., Luk'yanov A. E. *Dukhovnaya kul'tura Kitaya: entsiklopediya v pyati tomakh. T. 1. Filosofiya* [Spiritual culture of China: encyclopedia in five volumes. Volume 1 Philosophy]. Moscow, Vost. Lit. RAN Publ., 2006. 727 p. (in Russian).
9. Feoktistov V. A. *Filosofskiye traktaty Sun'-tzy. Issledovaniya, perevod. Razmishleniya kitaeveda* [Philosophical treatises of Sun-tzu. Research, translation, reflections of sinologist]. Moscow, Natalis Publ., 2005. 432 p. (in Russian).
10. Yakhontov S. E. Kitayskaya yazykovedcheskaya traditsiya [Chinese linguistic tradition]. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'*. Pod red. V. N. Yartsevov [Linguistic encyclopedic dictionary. Edited by V. N. Yartseva]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1990. Pp. 225 (in Russian).
11. Yakhontov S. E. Istoriya yazykoznaniiya v Kitaye: 1 tisyacha let do nashey ery – 1 tisyacha let nashey ery [History of linguistics in China: one thousand years BC – one thousand years of our era]. *Istoriya lingvisticheskikh ucheniy: Drevniy mir* [History of Linguistic Studies: Ancient World]. Leningrad, Nauka Publ., 1980. 314 p. (in Russian).
12. *Sho ven tsze zy. Perevod na sovremennyy kitayskiy yazyk (venyan baihua)*. Pod red. Li En'tsyan', Tszya Yuymin [Sho wen jie tzu. Translation into modern Chinese (wenyang baihua)]. Edited by Li Entszyan, Tsya Uimin]. Chenzhou, Zhongyuan Nunmin Chubanshe Publ., 2000. 1610 p. (in Russian).
13. Storozhuk A. G. *Vvedeniye v kitayskuyu ieroglifiku: uch.-sprav. izd.* [Introduction to the Chinese hieroglyphics]. Saint Petersburg, KARO Publ., 2002. 592 p. (in Russian).
14. *Sovremennyy kitaysko-russkiy slovar'*. Pod red. A. F. Kondrashevskogo [Modern Chinese-Russian dictionary. Edited by A. F. Kondrashevskiy]. Moscow, AST: Vostok-Zapad Publ., 2005. 714 p. (in Russian).

15. *Kitaysko-russkiy slovar'*. Pod red. Sya Chzhun'ї [Chinese-Russian dictionary. Edited by Sya Chuni]. Moscow, Veche Publ., 2003. 1280 p. (in Russian).
16. *Kitaysko-russkiy slovar'-minimum* [Chinese-Russian minimum dictionary]. Pekin, Shanvu inshuguan Publ., 1999. 960 p. (in Russian).
17. Gak V. G. Vyskazyvaniye [Utterance]. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'*. Pod red. V. N. Yartsevoy [Linguistic encyclopedic dictionary. Edited by V. N. Yartseva]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1990. P. 90 (in Russian).
18. Malyavin V. V. *Kitayskaya tsivilizatsiya* [Chinese civilization]. Moscow, AST Publ., 2001. 632 p. (in Russian).
19. Kubryakova E. S. *V poiskakh sushchnosti yazyka. Kognitivnye issledovaniya* [In search of the essence of language. Cognitive research]. Moscow, Znak Publ., 2012. 208 p. (in Russian).
20. Susov I. P. *Istoriya yazykoznaniya* [History of linguistics]. Moscow, Vostok–Zapad Publ., 2006. 295 p. (in Russian).
21. Huhuni G. T., Nelubin L. L. *Istoriya nauki o yazyke* [History of the science of language]. Moscow, FLINTA Publ., 2016. 376 p. (in Russian).
22. *Chzhuan-tzi: daoskiye kanony*. Pod red. V. V. Malyavina [Chuan Tsu: Daoist canons. Edited by V. V. Malyavin]. Moscow, Misl' Publ., 2002. 432 p. (in Russian).

Shelbogashev V. A., Altai State University (pr. Lenina, 61, Barnaul, Altai Territory, Russian Federation, 656049). E-mail: rector@asu.ru; languagetranslate@yandex.ru